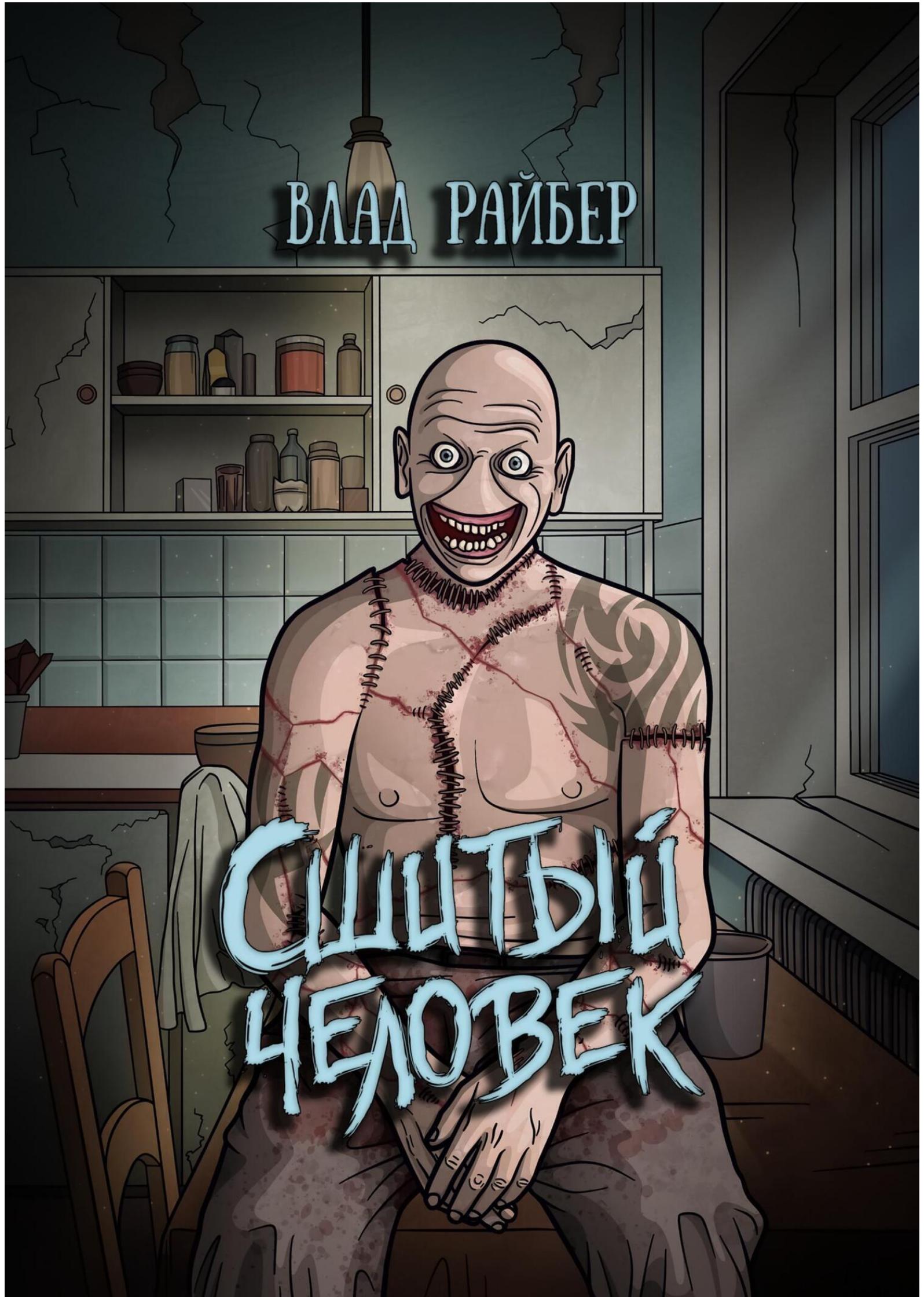

ВЛАД РАЙБЕР

СШЫТЫН
ЦЕЛОВЕК

Влад Райбер
СШИТЫЙ человек

«Автор»

2023

Райбер В.

Сшитый человек / В. Райбер — «Автор», 2023

Нас окружает нечисть немислимых форм! На стёклах ночного магазина сами по себе появляются отпечатки детских ладошек. В темноте канализационного люка шевелятся мохнатые лапы. Одинокий фонарь манит к себе мёртвым светом. Они обитают в подвалах, в подъездах, в окнах домов, где никто не живёт. У них есть имена: Сшитый человек, Фантом, Перевертыш, Тыквоголовый... Среди людей есть тот, кому не страшна нечисть, ведь он ей питается. Но успеет ли охотник спасти тебя? Новые леденящие душу истории Влада Райбера в авторском сборнике рассказов.

© Райбер В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Сшитый человек	5
Это ад!	11
Фантом	17
Незванцы	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Влад Райбер

СШИТЫЙ человек

СШИТЫЙ человек

Володьку все обожали, потому что никто не знал его так же близко, как я. Никто не знал, что жить с ним в одной квартире бывало просто невыносимо. Иногда он на время замыкался в себе и становился незаметным. Но это было ненадолго...

После одного такого затишья, прихожу домой, а там вонь и дымоган, будто в квартире сожгли кучу жухлой листвы, и Володька лежит морской звездой в гостиной на ковре, задумчиво разглядывает потолок.

– Твою ж мать! – ору я.

А ЭТОТ плавно подносит дешёвую папиросу к губам, затягивается, сощурился глазами, выдыхает густую струйку дыма и спокойно так отвечает:

– Она и твоя мать... Ты её не трогай...

Да. Послал мне бог братца. Хулиганил он только иногда, но полностью отбитым был постоянно. Разница в возрасте у нас была всего в год, а общего языка никакого.

Нам было лучше вообще ни о чём не разговаривать. Сразу начинали спорить и ссориться. Слишком разные взгляды на мир и на жизнь.

Мой брат отрицал науку и историю, но верил во всё самое безумное: в космос никто не летал, на Земле было несколько атомных войн, которые каждый раз уничтожали цивилизацию и всё начиналось сначала. Историю переписали! Нас обманывают: никто никогда не умирает, а лишь переносится за грань пространства и времени. И существуют «психостимуляторы», которые позволяют это увидеть.

Вот во что он верил.

Он давно узрел истину, а я, по его мнению, был тупым и приземлённым, и разговаривать со мной было не о чём.

Куда мне было до него? Володька был вне системы, он черпал знания из странных роликов на ютубе и время от времени принимал кое-чего для «расширения сознания».

Я почитал о подобном типе мышления. Это называлось «шизотипическим расстройством личности». Симптомы те же, что и при шизофрении, но выражены не так ярко.

– Не увлекайся так этой мистикой, был у меня знакомый – Стас, он тоже помешался на теориях заговора, а теперь разговаривает со стенами, – предупреждал я.

У Володьки на всё был свой ответ:

– Не понимаешь ты ничего... Он прозрел!

«Не случилось бы с Володькой такого прозрения», – я боялся и за него, и за себя.

Я думал, что сразу пойму, если брат сойдёт с ума. Представлял, что он будет бегать голый по квартире, разорвёт подушки, перебьёт всю посуду... однако всё вышло по-другому.

Володька снова стал замкнутым. Целую неделю молчал и не заставлял меня смотреть «полезные» ролики, а однажды сказал мне потихоньку:

– Надо нам раковину чем-нибудь залить.

– Засорилась? – спросил я.

– Ну... да, – Володька нервно поскрёб свою стриженную под ноль голову.

– Я куплю гранулы или гель... Что лучше помогает? – спросил я.

– Нет, надо что-то очень едкое, как кислота, чтобы всё растворяло, кроме пластика... как в том сериале... «Во все тяжкие», помнишь? – сказал брат.

– Вова, ты чего? – я был так измучен его выходками, что сразу начал раздражаться. – Какая, нахрен, кислота? Какие «Во все тяжкие»? Ты чего удумал?

Брат попросил посмотреть меня в слив умывальника. Я сделал, как он просил. Посветил фонариком. Слив был пустой и к тому же чистый.

– Что я должен там увидеть? – спросил я.

– Глаз! – ответил Володька. – На меня оттуда смотрел глаз!

Брат был напуган, а он редко чего-то боялся. Говорил, что страхи – удел незнающих, а он якобы знал всё.

– Чей глаз? Крысиный? – пытался угадать я.

– Нет, как человеческий, прямо из слива на меня всегда смотрит, – Володя дёргал заусенцы на пальцах.

Я был уверен, что всё – приехали... Но попытался доказать брату, что он несёт окоlesiцу. Открыл дверцу под раковиной и заорал, не то от злости, не то от испуга:

– Видишь трубу?! По-твоему, в неё может поместиться чья-то голова?!

– Я не сказал «голова», я сказал «глаз», – робко напомнил брат.

– И как он там оказался?

– Ну, я не знаю! Пролез? – Володька присел и провёл пальцем вверх по изогнутой трубе. – Прополз на дли-и-инном глазном нерве!

– Ты что-то употреблял? – спросил я.

Он помотал головой:

– Нет, я чист. Просто на меня постоянно смотрит этот глаз из раковины.

– Володя, ты сошёл с ума, – сказал я серьёзно.

– А может быть, нет? – неуверенно спросил брат.

Раньше ни разу не слышал, чтобы он усомнился в том, что говорил. Мне показалось, что это хороший знак. Значит всё-таки способен адекватно оценивать своё психическое состояние.

С тех пор я был к нему внимателен. Интересовался, как он себя чувствовал, не видел ли глаз в сливе. Володька отвечал, что теперь туда и не смотрит.

А раз он пошёл в ванную и как начал орать. Я дёргал ручку, спрашивал, что там с ним, просил открыть. Брат всё орал и орал. Моих вопросов не слышал.

Только я собирался ломать замок и дверь открылась. Володька вышел, придерживая ремень, весь зарёванный. Глаза опухшие, красные. В последний раз я видел его плачущим в далёком детстве.

– Посмотри! – он очертил пальцем круг около стиральной машинки.

На полу было несколько кровавых клякс, будто накапало с носа. Я внимательно посмотрел на брата, он понял мою мысль и объяснил:

– Это не моя! Это с головы! Я сидел на толчке и тут открылась стиральная машинка, оттуда высунулись руки. Они держали голову. Оторванную голову... Это с неё накапало! Она была страшная-страшная... и спросила меня про какое-то число... Ну, что ты на меня так смотришь?! Если я вру, тогда откуда кровь?

Я тяжело вздохнул и приложил руку к лицу:

– Хочешь сказать, что вот эти капли доказывают, что из нашей стиральной машинки вылезли руки, которые держали живую голову?

– Вот чёрт, – проворчал Володька. – Поверь своему брату, а!

– У тебя галлюцинации, – сказал я. – Ты видел то, чего не было. Пока не поздно, тебе надо лечь в клинику. Давай завтра пойдём к врачу.

– Даже не думай! – брат разволновался до трясучки, он ненавидел врачей и считал всю медицинскую систему шарлатанством. – Я не лягу в психушку!

– Остынь! – сказал я. – Без твоего согласия тебя туда никто не положит... Если ты не опасен.

– Я не лягу в психушку! Я знаю, что видел! Знаю! – брат дёргался в приступе злости.

Володька стал пугливый. Часто выходил покурить на балкон. Не выключал свет в коридоре и в туалете. Оправдывал это тем, что забывает, но я понимал – он просто начал бояться темноты.

Как-то мы вместе смотрели фильм. Обычно Володька комментировал всё, что происходит на экране, однако в тот вечер он молчал. И только в минуту, когда я поднялся с кресла, он резко спросил:

– Куда?!

– На кухню, чайку подлить, – я показал ему пустую кружку.

– Не ходи... – Володька перешёл на шёпот. – Он там!

– Кто? – спросил я, уже зная, что сейчас он скажет что-то безумное.

– Сшитый человек! – ответил Володька. – У него всё пришито: ноги, руки...

– Заткнись! – крикнул я от испуга. – Ещё раз ты заговоришь про глаз в раковине, про голову в стиральной машине или про «сшитого», отправишься в клинику. Ты меня понял?

– Я и дня там не пролежу! – пригрозил брат в ответ, но больше не пытался меня остановить.

Он сбил меня с толку, я забыл, где выключатель и шарил по стене, глядя во мрак. На миг испугался увидеть кого-то чужого в кухне. Там, разумеется, никого не было. Но беспокойство осталось. Страшно жить с безумцем. И жаль его! Ведь он мой брат.

Жаль себя... Вдруг придётся всю оставшуюся жизнь о нём заботиться, привязывать к кровати, если начнёт буянить. Страшно было подумать, к чему это приведёт.

Ещё неделю Володька был тише воды, ниже травы. Даже свои любимые ролики не смотрел. Сидел в уголке, листал книжку. По-прежнему оставлял после себя свет и на кухне, и в коридоре, и в ванной.

Я уже привык ходить за ним и выключать. Даже замечания ему не делал.

Брат проявил небывалые чудеса самоконтроля, и я не ждал от него подвоха. А он возьми, да и сделай...

Я задремал вечером на диване, и проснулся от того, что дверь сильно хлопнула. Это сделал мой брат. Он закрылся со мной в гостиной и крепко держал ручку.

– Ты спятил? – закричал я.

Хотя и спрашивать не стоило. У Володьки был молоток в руке.

– Тихо! Он там! – сказал он.

– Кто? – внезапно холодная дрожь прошла по моему позвоночнику.

– Ты меня просил про него не говорить, – уклончиво сказал Володька, но тут же добавил. – Сшитый человек! Я не за себя, а за тебя боюсь. Кажется, ты ему не нравишься. Он говорил о тебе.

– Говорил что? – мне показалось, будто за дверью правда кто-то ходит. Брат меня в этом убедил.

– Он сказал, что ты собираешься меня предать и отправить в психушку, – Володька тяжело дышал. – Сказал, что хочешь избавиться от меня, чтобы одному жить в квартире! Нехорошее про тебя говорит... Не нравишься ты ему.

И вдруг меня поразила абсурдность происходящего: в квартире нет никого постороннего! Большое воображение брата его выдумало. Этот персонаж отражал его страхи.

– Володя, ты напуган, но пожалуйста... положи молоток, – медленно проговорил я, пот капал с каждого волоска на моей голове.

– Я его не боюсь! – убеждал брат. – Мне уже всё равно. Я скоро умру. А тебя спасу!

– С чего это ты скоро умрёшь? – я не отрывал глаз от молотка и хаотичных движений руки Володьки.

– Сшитый человек так сказал! – брат понёс свою привычную ерунду. – Он же сам мёртвый, поэтому всё знает. Прошрое, будущее... всё!

Я так и не смог уговорить брата успокоиться и выпустить из рук молоток, поэтому решил пойти на обман.

– Володя, раз ты его не боишься... Сходи посмотри, чего он там делает? Может он уже ушёл?

– Верно! – Володька занёс молоток за плечо и вышел в коридор.

А я соскочил с дивана, подбежал к двери и изо всех сил стиснул ручку. Когда мой брат почувал неладное, я уже, прижимая телефон плечом к уху, звонил в экстренную службу.

– Эй! Открой! Ты чего делаешь? – визгливо заорал Володька, дёрнув дверь.

– Мой брат не в себе! Он агрессивен! У него молоток! – выкрикивал я в трубку.

– Предатель!

В меня полетели осколки. Брат ударил молотком в стекло.

– Вы слышите? Он ломает дверь! – я весь дрожал, мои ногти стучали по круглой дверной ручке.

Услышав это, Володька перестал колотить в стекло и просто смотрел на меня с укором.

– Всё это правда... – он перекидывал молоток из одной руки в другую. – Ты нашел повод от меня избавиться, чтобы жить тут одному. Не веришь мне. Не хочешь верить! Тебе так удобнее. Ну давай! За мной придут, а ты им расскажи, что я псих. Что ты им ещё расскажешь? Что я хотел убить тебя? Тебя... своего брата.

Я не отрывал глаз от молотка, следил за ним, как под гипнозом, и думал: «Они не успеют! Он меня убьёт! Разобьёт мне голову!».

– Хотел тебя защитить, а ты мне удар в спину... Ладно! – Володя наконец бросил молоток на пол. – Меня там никто не удержит!

Руки Володьки были пусты, но так распорядилась природа, что ему досталось телосложение крепче моего, к тому же он был в приступе ярости и безумства.

Я боялся его и продолжал держать дверь, пока не приехали полицейские и санитары. Брат сдался им сам. Приложился к стене, позволил себя обыскать. На меня он поглядывал с обидой, будто это не он, а я размахивал молотком и разбил дверь.

Володька ничего не отрицал. Сказал, что видел сшитого мертвеца в нашей квартире и подтвердил, что разбил дверь молотком.

– Психоз, – сказал врач.

Мне, как родственнику, предложили решить отправлять ли Володьку на «недобровольную психиатрическую госпитализацию». Я посчитал, что так для всех будет лучше. А то ещё в следующий раз примет меня за «сшитого человека» и расколошматит мне голову.

И всё-таки я фоновно чувствовал стыд. Худшие страхи моего брата подтвердились – я упёк его в клинику и остался в квартире один.

К тому же невозможно было не заметить, что стало лучше. Стало спокойнее. Я и не знал, что жить одному настолько приятно. Все мысли о прошедших ужасах вылетели из головы, и чтобы не чувствовать вину, мне приходилось напоминать себе, что мой брат попал в клинику не потому, что я мечтал от него избавиться, а потому, что болен.

Казалось, эти спокойные дни достались мне незаслуженно и придёт расплата. Предчувствие не обмануло...

Всё началось с того, что на кухне с вентиляционной трубы соскочила решётка. Не просто отвалилась, а слетела, будто её выбили кулаком с той стороны.

Решётка пролетела через всю кухню, и я, посмотрев на квадратное отверстие, увидел человеческие пальцы.

Волосы зашевелились у меня на голове. Я поспешно призвал себя рассуждать здраво: этого не может быть. За вентиляционной решёткой лишь узкая труба. Туда бы не поместился человек. Мне это показалось!

Слабые шурупы, сильный поток воздуха... Хотя смысл вентиляции в том, что она должна тянуть воздух из квартиры, а не наоборот. Нестыковка, но я был готов спустить это на тормозах. Взял отвёртку и новые шурупы. И когда я уже прикрутил решётку на место, мне опять показалось, что там белеет что-то похожее на человеческую руку.

Перед сном я чистил зубы. Хотел сплюнуть зубную пасту и чуть не подавился. На меня из слива смотрел глаз! Глазное яблоко с прожилками вращалось, зрачок расширился и сужался.

Я открыл горячую воду. Промыл раковину, не глядя в слив. Или я схожу с ума, или мой брат говорил правду.

Кстати, как там Володька?

Не думал, что дозвонюсь до клиники ночью, но мне ответили. Сказали, что мой брат попытался сбежать из больницы. Пришлось перевести его в палату, где за пациентами ведётся постоянное наблюдение. И ещё ему ввели препарат для умирения.

«Вытаскивать его оттуда надо, а то сделают из него овощ, – подумал я. – Если ему там место, тогда и мне тоже».

Оказалось, что вызволить Володьку будет сложно. Его недавний срыв считали нападением на человека. Мне сказали, что он проведёт в больнице около месяца, а потом можно будет начать рассматривать вопрос о его возвращении домой.

Шла вторая неделя, как я жил один. Покоя мне не было.

Я стоял под душем и не смотрел под ноги. Теперь сливные отверстия вызывали у меня чувство страха.

Сквозь шум воды, я услышал стук ногтей по стеклу и, будто дверца стиральной машинки открылась. Я отдёргнул шторку и посмотрел.

Из стиральной машинки высунулась голова. У неё не было шеи. Она лежала на раскрытых ладонях длинных голубоватых рук.

Мутные глаза посмотрели на меня. Сквозь ухмыляющиеся желтые зубы хлынул поток черной крови, и голова спросила:

– Какое сегодня число и какой месяц?

Я был так напуган, что казалось, от моего ответа зависит жизнь.

– Четырнадцатое мая, кажется!

Жуткая рожа улыбнулась шире:

– А ты мне не верил... брат...

Убегая, я случайно сорвал шторку. Конечно, это было лицо Володьки. Я не узнал его сразу из-за сильного разложения.

Но ведь мой брат жив. Не так ли?..

Полночи я пытался дозвониться в клинику. Никто не ответил, а утром мне позвонили сами. Сообщили, что Володька умер прошлой ночью. И обстоятельства были ужасны!

Очевидно, он в самом деле был не здоров. Поставил себе цель – сбежать любой ценой. Пусть даже, как в старом, идиотском анекдоте.

Володька сумел выкрасть с кухни хлебный нож с ребристой заточкой, и подговорил какого-то невменяемого «помочь ему сбежать». Сбежать по частям!

Они укрылись в туалете, и тот псих всю ночь увлечённо распиливал моего брата. Некоторые части он выбросил на улицу, протолкнув сквозь решётку в форточке, другие напихал в вентиляционную шахту, внутренности смывал в унитазы. Его застали за этим делом, когда от моего брата осталась только нижняя часть.

Я не мог поверить в эту дикость! Но это было реальностью. Я ещё не отошёл от шока, а меня уже пытались умасливать: все ритуальные услуги, погребение, памятник – бесплатно. Клиника не хотела, чтобы об этом узнали журналисты.

Все части тела моего брата нашли. В морге обещали сшить, однако рекомендовали хоронить Володьку в закрытом гробу. Хорошего вида не будет...

Мне выдали розовую бумагу с именем моего брата. «Свидетельство о смерти». Я сидел дома в гостиной, разглядывая его. Оно было слегка надорвано. Как пропускной билет в иной мир...

Со мной в комнате кто-то был. Плавно перемещался из стороны в сторону. Мне была знакома эта привычка. Я хотел спрятаться. За диван, в один из тёмных углов, или под стол – куда угодно, лишь бы скрыться от его взора.

Моему ужасу не было предела, когда я наблюдал, как покойник с пришитой головой и руками, пересёк гостиную и вошёл в другую комнату. Закрывая за собой дверь, он обернулся и подмигнул мне.

Это и был мой брат. Сшитый человек, которого он так боялся...

Это ад!

Мой арендодатель сообщил, что собирается продавать квартиру. И съехать мне надо было на той же неделе. Неприятная ситуация... Но я почти сразу нашёл другой вариант. Похожая квартира в том же районе, а цена даже чуть ниже!

Владелец сказал, что я могу сразу перевезти вещи, сразу можно оформить договор. Только была одна загвоздка. Переехать туда самому можно было только через месяц, пока не уедет сам хозяин.

Надо было где-то *перекантоваться*. Я нашёл совсем дешёвую комнату в коммуналке. Причём в центральной части Питера. На Каменноостровском проспекте в районе станции метро «Петроградская».

Тот, кто сдавал комнату оказался мне странным и безалаберным человеком. Мы разговаривали только по телефону. Я сразу предупредил его, что жить в комнате буду всего месяц, а он ответил: «Приезжайте, ключ вам дадут соседи, а я на днях заеду за деньгами».

Ему будто было всё равно, кто поселится в его комнате.

Навигатор привёл меня от метро в непарадные дворы, где стоят дома с глубокими чёрными трещинами через весь фасад. А я другого и не ожидал за такую цену.

Всё изрисовано граффити. Среди неясных надписей были и откровенно страшные картинки на деревянных дверях: человек с серым, старческим лицом, скрестил руки на груди, как покойник, жуткий слепец, поигрывающий колокольчиком и безнадёжный пьяница с бокалом. Художник изобразил отчаяние, что веяло здесь из каждого угла.

Меня это не пугало и не удивляло. Я сам провёл детство в похожем доме, в коммунальной квартире. У меня был опыт. Главное правило в таких жилищах – уважать личные границы друг друга. Не лезть в чужую личную жизнь.

Я пришёл по адресу, постучался и мне открыли. Маленькая бабушка, закутанная в серую шаль. Её глаза утонули в глубоких морщинах, седые тонкие волосы взлетали от сквозняка, как пух.

– Здравствуйте! – сказал я.

Женщина ответила не сразу. Пауза длилась слишком долго, и я уже подумал, что старушка глуховата, но она вдруг ответила:

– Здравствуйте! Зачем пожаловали?

– Комнату снял, жить тут буду, – ответил я.

И опять бабушка так долго молчала, что можно было успеть сосчитать до десяти.

– А-а-а! Живите, живите. Вот, это вам, – женщина положила мне в ладонь ключ на шнурке и зашаркала тапками прочь.

Я зашёл и, оглядев обстановку, понял, что в коммуналках никогда ничего не обновляется. Обои с узорами-ромбами, все разодранные и протёртые. Из стены торчит чёрный допотопный счётчик и выключатели такие же чёрные, круглые, с маленькими рычажками. Под ногами плитка разных цветов и размеров. Крашенные деревянные двери. В детстве я жил в похожих условиях.

Знать бы ещё, какая из комнат моя. Ломанулся в первую дверь наугад – закрыто. Попробовал ключом – подошёл. Значит правильно.

Комод, кровать, пыльное зеркало в толстой деревянной раме. Ничего. Жить можно.

Я оставил сумку и пошёл смотреть, где остальные удобства. На кухне стояла женщина лет сорока. Бледная, с уставшими глазами, на голове небрежная кудрявая копна.

– Вечер добрый! – сказал я.

– Да, – с безмятежной улыбкой ответила моя новая соседка.

Она не горела желанием познакомиться и не задавала вопросов.

Я осмотрел кухню: плита, стиральная машинка, множество шкафчиков, кастрюли, пустые банки, старый холодильник – в нём почти ничего. Пойдёт!

Женщина стояла, спрятав руки в карманы халата. Вся в своих мыслях. Я не стал ей докучать, пошёл к себе и по пути встретил ещё одного соседа. Усатый мужчина, высокий и худой. Он смотрел из своей комнаты. Его взгляд тоже показался мне рассеянным, замыленным.

– Здравствуйте, я ваш новый сосед – Максим.

Он не стал пожимать мне руку, а только кивнул и ответил:

– Алексей.

Мужчина закрыл свою дверь, а я остался стоять с протянутой рукой и чувствовал себя по-дурацки.

«Странные соседи. Но хотя бы тихие. Ведут себя так, будто тут совсем никто не живёт», – думалось мне, пока не наступила ночь.

Я уже задремал, а меня потревожил топот маленьких ног. Шаги пронеслись от прихожей к кухне и обратно. Ещё одна пара ног затопталась у моей двери. Это тоже напоминало детский бег. И кто-то третий присоединился к ним. Теперь целая толпа малышей носилась там. И никто из них ничего не говорил и не смеялся.

Что за ребятишки устроили там молчаливые догонялки?

Это был странно. Я не думал, что у кого-то из соседей есть дети. Их было не видно и не слышно. Что же они: весь вечер сидели тихо, как мыши, а ночью принялись за игры? Почему им такое позволяют?

Я напомнил себе правило: не лезть в чужой монастырь со своим уставом. Одёргивать шаловливых детей – дело родителей, а я завтра скажу потихоньку, что маленькие хулиганы мешают спать.

Утром в коммунальной квартире снова стояла такая тишина, что было слышно, как тикают настенные часы в соседней комнате. Будний день, восемь часов, никого не собирают ни в школу, ни в детский сад.

В квартире, где я рос каждый день начинался с суматохи, а тут тишина. Людям некуда спешить, они спят.

Я подумал, что надо успеть первым воспользоваться плитой, чтобы приготовить себе завтрак. Собирался выйти в коридор и чуть из тапок не выпрыгнул от испуга. У моего порога стояла пожилая соседка. Сверлила меня невидимыми глазами.

– Доброе утро, – сказал я. – А чего вы тут стоите?

Старуха, как всегда, реагировала на мои слова с задержкой. Она будто спала стоя. После долгой паузы соседка отмерла и, ничего не ответив, зашаркала тапками.

Воображение внушило мне мысль, что эта бабушка всю ночь стояла под моей дверью. И мне стало от этого не по себе.

Оказалось, и другие соседи уже не спали. Молодая женщина стояла на кухне. Смотрела в окно, словно там было чем любоваться. Со всех сторон обветшалые дома, внизу асфальтовый пятак, а сверху сплошные тёмно-синие тучи. Закрыты как в банке.

В холодильнике почти все продукты мои, только старая пачка маргарина и банка хрена чужие. Так могут жить холостяки, но не те, кому надо кормить малышей.

Сосед шарахался по коридору. Он был не бодрый и не сонный, а такой, как вчера. Холодный и нелюдимый.

Я не удержался от вопроса:

– Алексей, вчера ночью какие-то детишки бегали по коридору. Тут их много?

– Не женат. Детей нет, – сказал он, как на допросе и повернулся ко мне спиной.

Эти люди предпочитали вести себя отстранённо. Они делали вид, что я тут не новый человек, а привычный. Старались в упор меня не замечать.

Стоило закрыться в комнате, и опять тишина. Ни шага, ни скрипа. Хоть бы кто кашлянул или шмыгнул носом. Ничего подобного. Часы тикают в соседней комнате, комар бьётся о потолок.

Я думал о своих соседях. Их снулые, бесцветные лица вызывали у меня не самые приятные ассоциации. Как портреты на могилах! Вроде и улыбаются, и глядят на тебя, но ничего не излучают. Что заставило их такими стать? И опять я напомнил себе не лезть в чужую жизнь.

Мне стало жаль, что моя смена только завтра. Как не хотелось оставаться в коммуналке. Я подумал, что неплохо будет побродить по округе, посмотреть, где тут ближайший магазин и аптека.

Та кудрявая женщина, которую я даже не знал по имени, догнала меня у порога и вдруг спросила:

– Куда вы уходите?

– Схожу в магазин, – ответил я. – Вам что-нибудь нужно купить?

– Нет, – улыбнулась она.

Вот странная! Зачем ей было знать куда я иду? Мне приходилось соседствовать с разного рода изгоями общества. Но эти люди таковыми не казались. Хотя неясно, чем они занимались, закрывшись в своих комнатах.

Я вернулся из магазина с пакетом продуктов и увидел в коридоре нового человека. Это был молодой парень с бородкой, в бейсболке козырьком назад. На одном плече сумка, на другом гитара в чёрном чехле.

– Здравова, я тут заселяюсь, – объяснил он. – Не проведёшь экскурсию?

Я был рад увидеть кого-то похожего на себя. Моего нового соседа звали Витя. Он занял последнюю пустую комнату, хотя тоже ещё не успел заплатить хозяину за проживание.

Когда я показывал Вите кухню, он бросил взгляд на дверь, убедился, что нас никто не подслушивает и спросил потихоньку:

– А чего тут соседи такие странные? Спрашиваю что-то, а они молчат.

Я ему ответил, что и сам удивляюсь. Рассказал и о том, что ночью слышал топот детских ног, хотя детей тут нет.

Витю это почему-то повеселило:

– Коммуналка с привидениями, значит. Ну, поживём – увидим.

Он показал мне свою комнату. Там было всё как у меня: кровать, комод и похожее высокое зеркало в толстой деревянной раме.

С приходом нового человека, мне стало спокойнее. Хотя до сих пор было неловко чувствовать за собой долг. Хозяин комнаты так и не явился за деньгами, не отвечал на звонки и не перезванивал.

Мы с Витей посидели на кухне, поговорили о жизни. Оказалось, что он сам из Ростова. Приехал, потому что позвали друзья. Говорили: «Ты талантливый музыкант, твоё место здесь!». Обещали помочь, познакомить с творческими людьми. Вот парень и приехал покорять культурную столицу. Неделю он провёл в хостеле, а никто из его друзей до сих пор не нашёл времени с ним встретиться. Витя решил не возвращаться домой, раз уже приехал. Нашёл жильё подешевле, решил как-нибудь сам устроиться.

Я выказал ему свою поддержку, сказав, что рассчитывать можно только на себя.

Мы разошлись по своим комнатам. Теперь в коммуналке не было этой гнетущей гробовой тишины. Витя тихонько перебирал струны. Под эту лёгкую мелодию я и заснул. И опять топот резвых маленьких ног меня разбудил.

Будто несколько детей хулиганили в коридоре. Было слышно их сиплое дыхание. Они бегали, прыгали и ударялись в стены, как нарочно безобразничали, чтобы вывести из себя жильцов комнат. И опять никто ничего с этим не делал. Казалось, шум разбудил одного меня.

Я разозлился и мне стало всё равно, что это чужие дети. Хотелось отстоять своё право на спокойный сон.

Я открыл дверь, но не успел произнести и слова. За порогом меня дожидалась старуха. Она схватила меня за обе руки и дёрнула на себя. Не смотря на слабость, пожилая женщина заставила меня потерять равновесие. Я обессилен от внезапного страха.

Бабка тянула меня из комнаты. Её маленькие глаза под нависшими веками отдавали зловещим блеском. Во рту сверкали редкие зубы.

За её спиной, словно в безудержном танце, носились коротышки.

Я дёрнулся назад и смог бы вырваться, но ещё одна рука легла мне на плечо, а затем меня схватили за шею. Другие соседи пришли старухе на подмогу.

Лица этих странных людей, исказились от ярости, глаза сузились, губы сжались в ровные штрихи. Я хотел закричать, но молодая женщина больно сдавила горло. Высокий мужчина дёргал за плечо.

Они пытались вытащить меня в коридор, чтобы бросить в толпу мелких бегунов.

Я упёрся в дверной косяк руками и ногами. Только голова свесилась через порог. И я увидел, что за существа бегали в темноте.

Это были не дети! Да и не люди, а бесы! Ужасного вида коротышки. Даже недостаток света не мог скрыть их безобразную внешность. Их лица были покрыты морщинами и бородавками. Кожа висела дряблыми складками. Подбородки слились с короткими шеями. У всех были длинные крючковатые носы. Одни коротышки были лысые, другие густо покрытые шерстью.

Они толкали друг друга, прыгали и щёлкали гнилыми острыми зубами, чуть не доставая до моего лица.

Я оттолкнулся от косяка и отпрыгнул едва ли не до самого окна. В ту секунду моё положение казалось безнадежным. Мне было не справиться с толпой бесов и тех, кто им прислуживал.

Я готовился отбиваться, но понимал, что обречён. Однако никто из них не посмел переступить через порог. Трое моих соседей стояли у входа в комнату, а низкорослые бесы суетились за их спинами.

Неведомые законы мешали нечисти войти в открытую дверь. Им оставалось только скрежетать зубами и сжимать пальцы. Хотелось осторожно толкнуть ногой дверь, чтобы не видеть этих лиц, но страшно было приблизиться хотя бы на шаг.

В коридоре скрипнула дверь. Я уже успел забыть, что в коммуналку поселился новый жилец. Из комнаты выглянул Витя. Спросонья он не разглядел, кто шумит.

– Имейте совесть. Дайте поспать! – сказал он вяло и хрипло.

– Закройся! Иди назад! – закричал я с опозданием.

Трое соседей успели кинуться на него и одним рывком бросили его на пол коридора. Несколько коротышек прыгнули сверху. Витя закричал. Его рвали на части.

Бесы впивались в него острыми зубами. Мотая головами, выгрызали куски мяса. Рычали и сочно чавкали.

Мои странные соседи стояли кругом и наслаждались зрелищем. Не моргая смотрели, как бешеные карлики разрывают человека.

Я не мог спасти Витю и мне оставалось лишь желать, чтобы его мучения поскорее закончились. На его теле уже не осталось места, откуда бы не выгрызли кусок, а он продолжал кричать. Мясо отрывали от костей, а он всё ещё вопил.

И только когда один из бесов прогрыз ему горло, крик прекратился. Сожрав всю плоть и органы, коротышки принялись возить мерзкими языками по кафелю, слизывали кровь.

Они довольно ухали и кряхтели. Я жалел, что наблюдал эту кровавую трапезу во всех подробностях, знал, что никогда не забуду увиденного. Но не мог отвернуться. Мышцы стали мягкими, как вата.

Бесы закончили пир весёлой дракой. Они кидали друг в друга кости, на которых висели хрящи и остатки сухожилий.

Я заставил себя сделать два шага и закрыл дверь. Это простое действие потребовало столько сил, что ноги подкосились. Я лежал на полу, прижав колени к груди, пока не вспомнил, что у меня есть телефон.

«Мои соседи и их гости убили человека», – это всё, что нужно знать полицейским.

Я называл адрес, а меня будто уносило на дно колодца. Мой разум помутился...

Новый шум вернул меня в сознание. Было уже утро. В квартиру стучались, и не дождавшись, когда откроют начали высаживать дверь. Я понял, что это полиция, и решил, что не буду их встречать. Пусть сами всё увидят: кровь и кости на полу. Пусть допросят моих соседей.

Тяжёлые ботинки застучали по кафелю. Несколько человек разбежались по разным комнатам. Наконец кто-то заглянул ко мне и вскрикнул: «Сюда!».

Оперативник в гражданском присел рядом и потряс меня за плечо.

– Ты трезвый? Давай, поднимайся. Это ты нам звонил?

– Вы их взяли? – я сел и схватился за больную голову.

– Ну вот и расскажи, кого мы должны были взять, – оперативник говорил это, явно подавляя раздражение. – Тут никого нет.

– В смысле «никого»?

– В смысле тут вообще никто кроме тебя не живёт. Иди прогуляйся по комнатам и посмотри сам.

Меня как токомшибануло. Я хотел доказать этим людям, что не вру. Выскочил в совершенно чистый коридор. Там не было ни следов крови, ни костей. Заглянул в комнату старухи, а там ничего: голые полы, комья пыли и железная кровать без матраса. В комнате Алексея не было никакой мебели, одни часы висели на стене и всё ещё тикали.

Только одна комната была обставлена – там, куда вчера заселился новенький. Но там не было его вещей: ни сумки, ни гитары.

Я предпринял последнюю попытку доказать, что говорю правду – попытался позвонить своему арендодателю и услышал в трубке: «Набранного вами номера не существует».

Теперь мне и сказать было нечего. Оперативники видели то, что видели. Я один в чужой необитаемой квартире, рассказываю про несуществующих соседей.

Вопреки ожиданиям, меня не арестовали, а только переписали данные и сказали, что теперь надо зайти в участок и подробно объяснить своё поведение.

Полицейские не желали тратить время и быстро ушли. Я быстро напихал свои вещи в сумки и дёру оттуда. Уже собирался выйти за порог и мне в спину ударил голос:

– Уходишь?

Прямо за мной стоял мой новый сосед. Теперь его лицо было, как и у остальных. Бесцветное, как могильный портрет.

Я сказал:

– Витя, так тебя же...

Он оборвал меня:

– Да! Но мне предложили сделку и разрешили вернуться. С условием, что я буду их кормить. Да и какой был выбор? Лучше всегда быть здесь, чем хоть минуту провести там... Это ад! Уж лучше быть тут... Ты тоже оставайся!

Его холодные пальцы коснулись моей шеи, и я, бросив вещи, ударился в бег.

Кажется, я и сейчас оттуда бегу... Не знаю, как забыть те ужасные дни. Постоянно вижу во сне ту коммуналку, равнодушные лица давно умерших соседей и уродливые морды бесов.

Снится, что я до сих пор там. Просыпаюсь в ужасе, но и наяву не могу перестать думать о коммуналке, что служит порталом в ад.

Не знаю, как мне оправиться.

ФАНТОМ

Моя подруга Алина сидела на ковре, прислонившись к стене. На её скрещенных ногах лежал открытый ноутбук. Но она в него уже не смотрела, её взгляд был прикован ко мне. Эти огромные, зеленоватые глаза так и следили за мной, и она отчего-то хмурилась. Будто её удивляло моё поведение, хотя, как мне казалось, я не делал ничего странного.

Алина не выдержала этого неловкого замешательства и спросила:

– Ты ждёшь кого-то?

– Нет, с чего ты взяла? – я серьёзно не понимал, почему она это сказала.

– Ты слишком часто выглядываешь в окно, – заметила моя подруга. – Подходишь – смотришь,ходишь – смотришь. Что ты там хочешь увидеть?

– Да я просто... – это вошло в привычку, и я не знал какое оправдание себе придумать!

– Сядь! – весело приказала она. – Давай оформим эти дебильные курсачи и приготовим пожрать!

Я был рад, что подруга отвлеклась и, чтобы она окончательно об этом забыла, предложил:

– Можем и заказать что-нибудь.

– Ну, если ты такой богатый, то я не против! – обрадовалась Алина.

Я сел рядом. Попытался сосредоточиться на документе, а моя подруга внимательно смотрела на меня своими глазами-свёрлами, и словно читала мысли. Когда я ненароком глянул в сторону окна, девушка вскрикнула:

– Ага!!! Что там?!

Она ринулась к окну, отдернула штору, и сразу догадалась, куда я то и дело постоянно смотрел. Мой дом и соседний стоят уж слишком близко друг к другу. Легко случайно заглянуть в чужие окна. Особенно, когда всё открыто. Вот я и засмотрелся недавно...

– Ого! – удивилась Алина. – Кто-то из соседей не пользуется шторами. Вся квартира, как на ладони! Ну и за кем ты там следишь?

– Ни за кем! – я понял, что её уже не остановить... Теперь так и будет меня подначивать.

– Да брось! Я не осуждаю! Влюбился, да? Наверное, эта девчуля обалденная красotka! Напиши ей записку с признанием, сделай самолётик и запусти прямо в форточку. Романтика же! Хотя... Мне бы такое не понравилось. Подумала бы, что ты маньяк.

Я молчал, слушал её разглагольствования и, теперь уже не скрывая, смотрел на соседний дом. Те три окна располагались почти на одном уровне с моими и было видно всю квартиру, как на витрине магазина. Две комнаты и кухня. Даже без бинокля можно было увидеть, что у чайника на плите слегка обгоревшее дно, а одеяло в спальне неровно заштопано нитками не того цвета.

– Там живёт одинокая пожилая женщина, – сказал я и тут же заметил эту сгорбленную старушонку. – Видишь? Вот и она!

– Ты за бабкой наблюдаешь? – Алина смеялась, её голос стал пронзительным. – Ну ты...

– Перестань! – потребовал я, зная, каким словом она собирается меня назвать. – Не за ней я наблюдаю. Я недавно увидел в её квартире что-то очень странное.

– Что?..

Алина была любопытной девушкой. Мне удалось её заинтриговать, теперь она была вся во внимании.

Я впервые рассказывал это вслух, поэтому попытался вспомнить каждую деталь:

– По-моему позавчера, я стоял в этой комнате. Смотрел на улицу... Не на окна, а просто в никуда. Меня не интересовала эта бабка и её квартира. Я даже не замечал, что у неё на окнах нет занавесок. Но видел, как она ходит из комнаты в комнату... Просто о ней не думал, пока

не почувствовал, что здесь что-то не так... На первый взгляд всё было тихо-спокойно, но что-то меня настораживало. И я не мог понять, что именно.

– Долго будешь меня мариновать? Ближе к делу! – Алине росточка не хватало, чтобы всё видеть, и она влезла коленями на подоконник.

Это было умилительно, однако я сам проникся своим тревожным рассказом и не мог улыбнуться:

– Ну, знаешь, там мелькнула какая-то... Тень что ли... Можешь себе представить тень с человеческим лицом? Что-то сплошь чёрное, что нельзя разглядеть ноги и руки, но лицо такое... сероватое. И немного размытое. Эта штука пряталась от взгляда бабки, чтобы она не видела.

Не ожидал, что Алина мне поверит.

– У неё в квартире призрак? Наверное, он ждёт, когда бабка крикнет, чтобы её забрать.

Подруга верила в подобные вещи и, наверное, меньше бы удивилась, если бы тогда была на моём месте.

Мои померкшие воспоминания снова наполнились красками. Я вспомнил, как смотрел и не мог разобрать, кто или что это за спиной у старухи, но ощущение было жуткое.

Нечёткая фигура перемещалась медленно, словно притворялась, что не двигается вовсе. И у меня возникло чувство, что она знает, что я наблюдаю. Привидение повернулось в мою сторону!

Меня охватила жуткая дрожь. Я понимал, что должен отойти от окна и закрыть шторы, но что-то заставляло меня оставаться на месте... Бабка склонилась над кроватью, готовила постель ко сну, и не замечала, что рядом с ней что-то есть. Я продолжал смотреть на эту фигуру. И тогда она начала двигаться в мою сторону. Подходила всё ближе и ближе к окну и вдруг пропала. То ли спряталась за стену, то ли растворилась в воздухе.

Я остался стоять у окна, сжимая кулаки и дрожа от страха. Я не знал, что это было, но чувствовал, что оно не пропадет навсегда. Мне ещё придётся увидеть это снова. С тех пор у меня привычка – выглядывать в окно, смотреть: что там бабка?..

Алине всё это показалось удивительной историей, и она попросила держать её в курсе, если я увижу что-нибудь ещё. Тем вечером мы наблюдали за бабкой, пока в её квартире не погас свет.

Я проснулся слишком рано и больше не мог уснуть, хотя проспал всего около трёх часов. Диван мне стал казаться слишком жёстким. Пришлось вставать и начинать день, когда ещё и солнце не показалось.

Я встал и по обыкновению глянул за штору. Мой взгляд привычно упал на окно соседнего дома, и я замер в ужасе. Тот страшный фантом стоял у кровати рядом со спящей старухой. Его лицо плавало в сизом сумраке. Он был выше, чем мне показалось в прошлый раз.

На моих глазах, призрак стащил с пожилой женщины одеяло и бросил его на пол, будто оно свалилось само. Бабка не проснулась, но съёжилась от холода.

Я не мог отвести взгляд от этого ужасающего зрелища и продолжал смотреть на них из окна, пока тёмный фантом не исчез.

У меня были планы на этот день, а я никуда не пошёл, потому что не мог остановиться наблюдать за происходящим в квартире в соседнем доме. При этом я не испытывал ничего приятного, это было похоже на зависимость от просмотра плохих новостей. Чувствуешь трепет и страх, но остановиться невозможно.

Во второй раз я увидел тёмную фигуру в середине дня. Седая старуха долго чистила картошку, а серое лицо наблюдало. Когда бабка вертела головой, фигура быстро смещалась в сторону, чтобы спрятаться.

Старушка поставила кастрюлю на плиту и вышла из кухни. Тихий обитатель её квартиры дождался, когда вода закипит, а затем опрокинул кастрюлю на пол. Кухню заполнило облако пара.

Пожилая женщина поспешила на шум. Призрака и след простыл. Остались только последствия его вредительства. Я видел, как хозяйка квартиры расстроена, она утирала глаза. Невозможно было ей не сочувствовать.

Злобный дух издевался над невинной женщиной. Когда стемнело, он затеял новую игру: являлся и гасил свет в комнатах, заставляя бабушку отвлекаться от своих дел и идти к выключателю. Она с этим мирилась, будто давно привыкла к таким неприятностям.

Я позвонил Алине. Она была единственной, кому я мог рассказать об этом. Другие бы не поверили. Моя подруга сказала:

– Жалко эту бабушку. Надо придумать, как ей помочь. А она из дома часто выходит? Я бы встретила её на улице и поговорила. Давай завтра к ней подойдём?

Я ответил, что завтра точно не смогу, потому что должен съездить за город к родителям. Уж очень давно их не навещал. Но предложил Алине встретиться вечером у меня, когда вернусь. Она согласилась.

Пришлось задержаться в селе и домой я вернулся только после девяти вечера. Алину это не остановило. Она пришла ко мне, как только узнала, что я в городе. На ней были очки для остроты зрения. Кроме того, подруга пришла с новостями. Выразив негодование, что я не прослушал её голосовые сообщения, она начала рассказывать.

– Я всё утро сидела на скамейке, ждала её. Бабушка выходит из подъезда, я к ней подхожу, а она мне сразу... – Алина вдруг скривилась и перешла на «старушечий тон». – «Уйди от меня, ведьма!».

У меня вырвался смешок. Эта девушка любила мрачную одежду и подвески в виде чёрных крестов. У неё пирсинг в нижней губе, волосы густые и тёмные, большие зелёные глаза и кожа бледная. Я тоже иногда называл её ведьмой, но это был комплимент.

– Я не сдалась, решила посмотреть куда эта бабушка отправится и такое увидела... – продолжала моя подруга. – Я за ней следила потихоньку. И вижу такую картину: к дому подъехал курьер, пристегнул велосипед и зашёл в подъезд. А эта бабушка, подошла к его велосипеду, огляделась по сторонам и достала из сумки шило! И проколола оба колеса! При этом кряхтела и охала, как от нелёгкой работы.

– Ты сейчас серьёзно? – я не ожидал такого поворота. – Она бешеная что ли?

– Слушай дальше! – Алина хлопнула мне ладонью по груди. – Это не всё! Потом она пошла к Стрелецкому кладбищу. Там на входе со всеми вежливо здоровалась, с собаками сюсюкалась, а потом зашла в глубину, где никого нет и стала дёргать надгробную плиту. Шатала, шатала, аж покраснела вся и вспотела. Я уже хотела закричать, чтобы она прекратила, но было поздно. Бабушка повалила плиту, и она разбилась. Представляешь? И кто из нас ведьма?

– Чокнулась, старая! И зачем ей это надо? – мне не верилось, что эта женщина, которой по виду лет восемьдесят, способна на это.

– Есть такие люди! – сказала Алина. – Сделала гадость – на сердце радость. Я на всё это посмотрела и вот что подумала: а вдруг этот дух ей приставлен не случайно, а в наказание за то, что она устраивает подлянки. Это её карма.

Пока девушка говорила, я глянул за штору, увидел, что жуткий фантом стоит у выключателя за спиной бабушки. Зная, что сейчас будет, я поспешил позвать Алину:

– Смотри!

Только она подбежала и свет в окне погас.

– Видела? – спросил я.

– Кажется, да! – глаза Алины округлились и перестали быть улыбчивыми. – Там стоял кто-то жуткий!

Теперь и она была напугана.

В своём подглядывании мы зашли чрезмерно далеко и забыли, что всё это не наше дело. Мы слишком вовлеклись эмоционально в происходящее, нервно строили планы, забыв о том, что можем просто ничего не делать. Бросить и заниматься учёбой.

Таинственный ужас притягивал нас и нам хотелось подобраться ещё ближе. Я и не помню, откуда в моей квартире взялась эта синяя рабочая спецовка, но, когда она попала на глаза, мне сразу пришла идея устроить небольшой маскарад. Надеть спецовку, взять ящик с инструментами и прийти к бабке, а дальше импровизировать.

Найти её квартиру не составило труда. Я и обдумать ничего толком не успел, как уже звонил в дверь. Бабка открыла без промедлений, её не интересовала моя спецовка и ящик, она посмотрела мне сразу в глаза и спросила:

– Чего тебе?

– Здравствуйте, проводку в доме осматриваем, – я по-идиотски провёл рукой вдоль тела, как бы указывая на свой костюм.

– Зачем? – с подозрением спросила бабка.

– Изношенная проводка, – пояснил я. – У вас свет в квартире сам выключается?

На этот вопрос она купилась и ответила:

– А, да, выключается.

– Ну вот, я электрик! Мне бы зайти к вам и посмотреть.

– Заходи, смотри.

Бабка отошла в сторону и впустила меня в квартиру. Я шагнул через порог и оказался в иной атмосфере. В доме старухи пахло плесенью, затхлостью и невымытым телом. Казалось, этим запахом напитаны обои, стены и каждая вещь в доме.

Я оглядел квартиру, которую много раз видел из своего окна. Мне было страшно находиться там, хоть и тёмный призрак не показывался.

– А почему у вас занавесок нет? – полюбопытствовал я.

– Занавески у меня долго не висят, – бормотала бабка. – Их обрывают.

– Кто обрывает? – спросил я.

Бабка выпучила глаза и повторила грубейшим тоном:

– Занавески долго не висят!.. Ясно? Делай зачем пришёл и иди отсюда!

И как разговаривать такую чёрствую бабку? Чтобы разрядить обстановку, я раскрыл ящик с инструментами, достал отвёртку, собираясь раскрутить первый попавшийся выключатель.

Не так я представлял визит в эту квартиру. Надеялся на непринуждённый разговор, где я между делом буду выведывать то, что мне интересно.

– Замыкания вообще по разным причинам бывают, – я рассказывал ложь, которую заготовил, как ответы на бабкины вопросы, хотя она ни о чём не спрашивала. – Вот был такой случай: в квартире гас свет и трещал выключатель. И оказалось, что в стене завелись муравьи, ползали, где не надо и происходило замыкание.

Трудно было выкрутить ржавый шуруп. У меня руки мокли, и отвёртка проскальзывала в ладони. Я пожалел, что не сказал подруге, куда пошёл. Она бы сейчас наблюдала за мной из окна и было бы не так страшно.

– Что ты там ковыряешься? – сказала старуха мне в затылок. – Ты ведь никакой не электрик.

Поняв, что она догадалась, я растерял остатки уверенности. Мне хотелось схватить свой ящик и бежать, пока она не закатила истерику до нервного припадка. А бабка молчала...

Я оглянулся и меня мгновенно охватил ужас. За пожилой женщиной стоял высокий призрак. Тело, вытянутое как столб, будто покрытое чёрной тканью, а лицо безжизненное и холодное. Даже вблизи оно казалось размытым. Его черты не имели чётких контуров.

Я подавился собственными словами и был способен только мычать, указывая дрожащим пальцем на это существо. Бабка и не подумала поглядеть назад. Она оставалась строгой. Её злые глаза блестели под седыми бровями:

– Думаешь, я про него не знаю? Знаю! Ты из-за него пришёл? Вот и забирай его себе. А я хоть умру спокойно. У меня всё это уже вот здесь!

Бабка стукнула рукой по горлу.

Оставив свои вещи, я повернулся и убежал. На улице, я скинул с себя рабочую спецовку. Не то мне стало слишком жарко, не то хотелось вместе с ней сбросить с себя случившийся кошмар.

Целый день, я не подходил к окну и не выглядывал за штору. Алина писала мне: «Что ты там?». И мне нечего было ответить. Я не был готов такое рассказывать.

Снова глянуть за штору, я решился только на следующее утро. В окнах дома напротив не было никакого фантома. Бабка лежала в постели и над ней никто не стоял.

Должно быть, я простоял слишком долго в одном положении, и когда отошёл от подоконника, почувствовал, как занемели ноги. А она за это время ни разу не шевельнулась!

В середине дня, я снова проверил, как там старуха. Она по-прежнему лежала в кровати, всё в той же позе. Я понял, что бабка больше никогда не встанет.

Женщина вчера говорила об этом. Тёмный призрак покинул её квартиру, и она тут же отдала богу душу. Словно тот фантом и поддерживал в ней жизнь. Или он с ней расправился, уходя?

Сразу вспомнились и другие слова: «Забирай его себе!». Это могло означать, что теперь призрак поселится рядом со мной!

В подтверждение этой мысли, на кухне загромыхало. Там, как сам по себе, сорвался карниз вместе с занавесками. Значит, жуткий фантом уже был здесь! Он прятался за спиной, ускользал от моего взгляда...

Похоже, не я один следил за старухой. Иначе как работники погребальной службы так быстро узнали о её кончине?

Я видел, как уносят её тело. Но привычка смотреть в окно у меня осталась. Вечером, я выглянул за шторы, которые пока ещё висели в комнате на своём месте.

Я бестолково смотрел на пустые тёмные окна, не желая ничего увидеть. Просто смотрел. И у меня над ухом прошепстели тихие слова: «Сломай что-нибудь, тогда не трону!». Это был голос призрака. Его расплывчатое лицо на долю секунды отразилось в стекле.

Я почувствовал, как на лбу выступил холодный пот. Я знал, что этот призрак не даст мне покоя. Он будет преследовать меня до конца моих дней... Вот зачем бабка вредила всем вокруг! Она хотела облегчить своё проклятье.

В дверь постучали. Я открыл. За порогом стояла Алина. Она была в ярости:

– Эй! Ты где пропадаешь? До тебя не дозвониться!

Я не хотел её впускать, но она без приглашения втиснулась в приоткрытую дверь. Подруга обошла квартиру и увидела, что на полу кухни валяется карниз вместе с занавесками.

Мне пришлось ей всё рассказать.

– Придумаем что-нибудь вместе, – девушка взяла меня за пальцы, её ладонь была такая дружеская, мягкая и горячая. – Сегодня я останусь с тобой.

Я подумал, что мне повезло с подругой, но не хотел, чтобы она делила со мной этот ужас, а потому ответил:

– Прости. Не могу тебя этого позволить.

– Вместе в это влезли. Вместе и будем выпутываться, – настаивала она.

Я не знал, что и сказать. У той бабки была целая жизнь, чтобы придумать, как избавить себя от проклятья, но ей это не удалось. Разве мы сможем что-то придумать?

Незванцы

Это идеальное место. Никакой роскоши и излишеств, всё скромно и просто. Стены окрашены в мятный цвет. Стулья расставлены кругом. И этот столик в углу, у которого можно налить себе чая из термопота и взять крекер.

Здесь принято поддерживать атмосферу спокойствия и понимания, ведь сюда приходят люди, чтобы делиться своими историями, которые они не могут рассказать больше никому.

Этот особенный клуб стал для меня настоящей находкой, поэтому я не пропустил ещё ни одного сбора. Я прихожу, чтобы послушать истории людей, оказавшихся в беде. Здесь кто-то до сих пор пытается справиться со своей напастью, а кто-то хочет оправиться от пережитого.

Все эти люди пострадали от проклятых созданий, о существовании которых и не подозревали. Участники группы называют их по-разному: чудовища, твари, призраки, бесы...

Я придумал для них своё слово – незванцы. Ведь эти существа не из нашего мира. Они не живут открыто, а прячутся во мраке, набиваются в пустые уголки и показываются только тем, кого выбрали жертвами.

Я всегда молчал, потому что приходил в клуб не для того, чтобы говорить. Я внимательно и жадно выслушиваю других.

Месяц назад сюда приходил человек... Жаль, не могу припомнить имя... Он рассказывал, что уже давно не живёт у себя дома, а ночует у друга на диване в гостиной.

Всё потому, что однажды бессонной ночью из окна кухни своей квартиры он увидел старую жёлтую карусель, которой в реальности не существовало. Её было видно только через его окно. В другую ночь ему мешали скрипы. Трение металла о металл. Это пустая карусель слегка покачивалась.

Позже он увидел кого-то ужасного и нелепого. Страшный чудак устроился на одном из сидений карусели, крепко держался за ручки и неустанно кружился, издавая довольное: «Гы-гы!».

Участник группы описывал незванца так: «По сравнению с остальным телом, голова его была большая, как тыква. Нос провалился в раздутое лицо. Его раскосые глаза метались в разные стороны, а слюнявые губы лениво ухмылялись».

Он, как и другие участники группы, поначалу думал, что сходит с ума, но дело было в его окне. Оно открывало перед ним незримый мир. Показывало события прошлого, в которых заиклились незванцы...

Однажды тот парень увидел на карусели обезглавленное тело того страшного чудака, а потом вышел на улицу и посмотрел на окно своей кухни. Там стоял ужасный человек. В руках он держал отрезанную голову того страшили, что любил кататься на карусели.

Позже он узнал от соседей, что давным-давно в том доме жил слабоумный и безобидный парень по прозвищу Паша Голова. Он таким родился. Голова у него была большая, ну прямо тыква, а тело тонкое, как хворостинка. Детская площадка была его любимым местом развлечений. Он катался по ночам.

И однажды его кто-то убил, оставив на карусели обезглавленное тело. Ни голову, ни душегуба так и не нашли. Но участник группы понимал, что убийца жил... или живёт до сих пор в его квартире.

Поэтому он перестал ночевать дома.

Всё верно! Произошло нечто страшное и породило двух «заикленных незванцев». Они повторяли действия участников события: один катается на карусели, другой убивает.

Я задал лишь один уточняющий вопрос: «Где это место?». Рассказчик назвал адрес, не спросив зачем. Я запомнил...

Следующим начал молодой человек с рыжеватой щетиной:

– Моя история тоже связана с окнами. Я пострадал из-за своего любопытства. В доме напротив жила одна бабка. У неё не было занавесок и из моего окна была видна вся её квартира. Однажды я случайно заметил, что за её спиной ходит что-то сплошь чёрное, что нельзя разглядеть ноги и руки, а лицо серое и немного размытое. Я называю его фантомом... Он делал бабке гадости: выключал свет, стаскивал с неё одеяло во сне или опрокидывал кастрюлю с обедом. Казалось, бабка не замечает странностей. Мы с подругой увлеклись наблюдением. Хотели помочь пожилой женщине... Моя подруга следила за ней на улице и заметила, что бабка и сама втихаря делает гадости: прокалывает шины на велосипедах, разбивает надгробные плиты на кладбище. Нас удивляло это поведение, но потом всё стало понятно... Я заглянул к бабке домой, хотел рассказать, кто живёт с ней в квартире, а она мне: «Думаешь, я про него не знаю? Знаю! Ты из-за него пришёл? Вот и забирай его себе»... Она наградила меня проклятием. Теперь фантом живёт в моей квартире, ходит у меня за спиной и всё время просит сделать какую-нибудь мерзость людям. Но я ничего не делаю, а потому получаю шишки. Он устраивает в моей квартире погром: бьёт зеркала и посуду, включает кипятильник в душе, балуется светом... А от его голоса у меня мурашки по коже.

Все собравшиеся начали ему сочувствовать и высказывать свою поддержку. Молодой человек, похоже, не хотел выглядеть слишком несчастным и сказал:

– Но нет худа без добра: зато я после стольких лет разглядел рядом своего человека. Понял, что это любовь и теперь мы вместе.

Кто-то из присутствующих опешил:

– Ты про бабку сейчас говоришь?

– Да про какую бабку? – смутился молодой человек. – Бабка померла. Я говорю про свою подругу!

– Я тоже про бабку подумал, – сказал ещё кто-то.

– Да идите вы! – сказал рассказчик без злобы и рассмеялся.

Другие тоже по-доброму расхохотались.

– Хватит, хватит, ребята! – говорил руководитель нашей группы, но и сам не мог остановить смех.

Нравится мне дружная атмосфера этого клуба!

У меня всегда было слабое зрение. Когда проводили тесты с таблицами, я не мог разглядеть ни одной буквы ниже третьей строки. Что одним, что вторым глазом. И очки тут не помогут. Это такое строение глаз.

Но я думаю, что это не болезнь, а скорее особенность. Моё зрение настроено так, чтобы видеть нечто иное. Я вижу незванцев даже когда они этого не хотят.

Одно из моих первых детских воспоминаний связано с незванцами. Я всегда замечал странные образы в подвалах, в подъездах, в окнах домов, где никто не живёт. Эти существа видятся мне более чётко, чем весь остальной мир.

Но они меня не пугают. Это им стоит бояться меня. Ведь я их ем! Лишаю сил и превращаю в ничто.

После нашего сбора я пешком дошёл по адресу, который запомнил. Простой двор, что ничем не отличается от других. Скамейки, урны, непротоптанный пустырь. Я плохо ориентировался из-за недостаточного освещения, но жёлтую карусель увидел сразу.

Мне были видны трещины, потёртости и потёки краски. И я слышал звук: скрип... скрип... скрип...

Карусель слегка шаталась, а на одном из сидений в такт покачивалось безголовое тело. Обрубок шеи, кровь на одежде.

Я не удивился. Другие люди редко замечали такие вещи, а я видел их постоянно.

Можно было бы сразу развеять этот отпечаток горя, но хотелось сделать всё правильно.

– Давай-ка поищем твою голову, – сказал я, оглядев унылые окна.

И сразу увидел нужную квартиру. Оттуда на меня кто-то смотрел. Злобное лицо. Ледяной взгляд, пронзающий душу. Незванец!

У меня есть ключи, подходящие ко всем домофонам. Я без труда вошёл в подъезд. Быстро отыскал нужную дверь. Вскрывать замки я тоже умею, не хуже воров-домушников. Пришлось научиться. Знаю, незаконно вламываться в чужие квартиры. Но это необходимость.

Я вошел в пустую прихожую и ощутил, как холодный воздух окутывает меня. Свет фонарей проникал сквозь окна, создавая зловещие тени на стенах.

Одна из этих теней принадлежала незванцу. Он двигался из-за угла коридора, постепенно открывая мне своё злобное, искажённое лицо.

Мое сердце замерло на мгновение, но я не позволил страху овладеть мной, и сделал уверенный шаг.

Незванец трусливо дёрнулся назад и попытался скрыться. Я не дал ему уйти и преследовал его быстрым шагом. Им всем становится плохо от моего присутствия.

Я вошёл в кухню, где уже давно не ощущалось присутствие человека. В воздухе висел запах протухшего холодильника, а невытая посуда в раковине покрылась комьями плесени.

Незванец, что минуту назад хотел казаться злым и страшным, теперь весь согнулся и жался к батарее, издавая тихие стоны. Это был давно не человек, а лишь отпечаток тёмной души убийцы. Он не был живым, но всё равно боялся.

Тело незванца теряло плотность, он рассеивался, превращаясь в облако чёрного тумана. Ему было страшно! Я приблизился к нему, вдыхая горький запах и впитывая его тёмную силу. Мне нравилось этим насыщаться.

Когда от незванца ничего не осталось, я буквально начал видеть сквозь стены. Я знал места, где под обоями прятались тараканы, чувствовал переплетения проводов, видел голубоватый электрический ток, что бегал, как кровь по венам.

В одной из этих стен... а если быть точным: в туалете под плиткой, была спрятана голова того бедняги. Почти тридцать лет она была спрятана там. От неё остался только череп... большой, причудливо искривлённый. С огромными глазницами и круглый, как тыква.

Я разбил стену, чтобы достать его. Череп следовало похоронить. Вот это я называю: сделать всё правильно.

На той же неделе я заглянул в гости к одному из участников нашего анонимного клуба. Пришлось за ним проследить, чтобы узнать, где живёт. Это некрасиво, но ведь он сам этим грешил. Следил за старухой и унаследовал от неё проклятье.

Я постучал. Дверь приоткрылась и в меня впилась большие ядовитые глаза. Из квартиры выглядывала молодая темноволосая девушка невысокого роста.

– Я атеистка! Или чего ты там продаёшь? Мне не надо, – сказала она и захлопнула дверь.

Пришлось стучать снова. Знаю, вид у меня странный. Я ношу длинный тёмный плащ, прячу глаза под кожаной панамой. Мне хочется спрятаться от лишних взглядов, но, кажется, мой неординарный образ привлекает слишком много внимания и вызывает у людей сомнения.

Из-за двери опять показалось глазастое лицо:

– Что тебе надо? Ты кто?

Над плечом девушки возник её молодой человек. Он меня узнал:

– Алина, он из моего анонимного клуба... Здравствуйте. Как вы узнали, где я живу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.